

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ
СТАРОВЕРОВ И ЕЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

К. В. Фенин

**RETROSPECTIVE HISTORICAL AND ECONOMIC ANALYSIS
OF OLD BELIEVER NATIONAL ECONOMIC MODEL
AND ITS CULTURAL HERITAGE**

K. V. Fenin

Аннотация. Актуальность и цели. Производится исследование социально-сущностных характеристик модели экономической деятельности русских старообрядцев как возможного примера хозяйственной системы, проходящей через предельные состояния – циклические трансформации в ходе смены режимов своего функционирования. Предполагается, что некоторые культурные и духовно-нравственные элементы модели хозяйствования раскольников, обладая устойчивостью к изменениям во времени, значительно продлили существование данной экономической парадигмы и частично были восприняты постреволюционным российским социумом. *Материалы и методы.* Имеющиеся в наличии статистические данные, подкрепленные экспертными оценками и обширной фактологией о масштабах производственной и торговой деятельности раскольников, позволили провести ретроспективный историко-хозяйственный анализ социальных факторов генезиса и неравномерного развития модели экономического поведения староверов. *Результаты.* В ходе анализа установлено, что парадигма хозяйствования староверов претерпела значительные социальные изменения, укладывающиеся в два вековых цикла: с 1670-х по 1770-е гг. и с 1770–80-х по 1850–60-е гг. и один полувековой цикл: с 1860-х гг. до Первой мировой войны. Развитие модели торгово-производственной активности раскольников на практике заключалось в ее трансформации из частично закрытой, «анклавной» структуры в теле народного хозяйства Российской империи в структуру, органически инкорпорированную в межотраслевую и межрегиональную иерархию рынков национальной экономики. *Выводы.* На основе рассмотренных данных логично заключить, что одним из социокультурных факторов (компонентов) успеха староверов на промышленном и коммерческом поприще стала их уникальная этика. Именно православная трудовая хозяйственная этика как устойчивое в длительном времени социальное множество и составила историко-культурное наследие «раскольничьей» модели хозяйствования. Данное наследие нашло свое отражение в идеях о приоритете общественных интересов над личными, возвышенном отношении к труду, склонности к альтруизму и бытовой благотворительности, которые были восприняты и частично переняты советским и российским обществом.

Ключевые слова: раскольники, В. О. Ключевский, экономическая модель, общинность, экономические анклав, иерархия рынков, трудовая хозяйственная этика, благотворительность.

Abstract. Background. This article is devoted to a research of social characteristics of Old Believer economic model as possible example of the economic system passing

through limit states – cyclic transformations during change of the modes of the functioning. It is supposed that some cultural and spiritually-moral elements of Old Believer economic model, having resistance to changes in time, prolonged existence of this economic paradigm and were partially apprehended by post-revolutionary Russian society. *Materials and methods.* The fragmentary statistical data, supported by expert assessments and extensive factual data on the scale of the production and trade activities of the Old Believers, made it possible to conduct a retrospective historical and economic analysis of the social factors of genesis and the uneven development of the model of the economic behavior of Old Believers. *Results.* The retrospective economic analysis has shown that the Old Believer economic paradigm has undergone the considerable changes which are keeping within two century cycles: with 1670-h – on the 1770th and from the 1770–80th – on the 1850–60th, and one semicentennial cycle: from the 1860th – before World War I. Development of model of trade and production activity of Old Believers in practice consisted in its transformation from partially closed and socially isolated structure in economic space of the Russian Empire in the structure incorporated in interindustry and interregional hierarchy of the markets of national economy. *Conclusions.* Unique labor ethics of Old Believers is the major socio-cultural factor of their success in business. The orthodox labor economic ethics which are steady in a long time have made historical and cultural heritage of Old Believer economic model. This heritage has found the reflection in the ideas about a priority of public interests over personal, in the sublime relation to work, in tendency to altruism and household charity which have been partially adopted by the Soviet and Russian society.

Key words: Old Believers, Vasily O. Klyuchevsky, economic model, communality, economic enclaves, markets hierarchy, work economic ethic, charitable cause.

Введение

Изучение собственного культурного исторического наследия является одной из важнейших форм интеллектуальной духовной деятельности любого человеческого общества. Через данную форму деятельности социум осуществляет самоидентификацию и обеспечивает непрерывность своего существования, согласуя свое прошлое с настоящим и будущим, а также качественно совершенствуясь посредством поддержания преемственности традиций, общественных норм поведения и высших моральных ценностей.

В этом отношении как с позиции экономической теории, так и реальной хозяйственной практики кроется не теряющая своей актуальности проблема определения сущностных характеристик российской национальной модели экономики [1]. Следует сразу принять во внимание, что представление национальной модели хозяйствования в виде формализованной усеченной совокупности взаимосвязанных, закономерно повторяющихся экономических процессов и явлений хотя и может гарантировать ей некую универсальность, но в то же время ограничивает теоретическую содержательность модели. Кроме того, большинство подобных выхолощенных экономико-математических моделей не может быть применено для описания предельных состояний хозяйственных систем – циклических трансформаций в ходе смены режимов функционирования, когда количественные изменения сопровождаются изменениями качественных свойств системы. Именно данные состояния, в которых экономика меняет свой режим функционирования

и тенденцию развития, позволяют через ретроспективный историко-хозяйственный анализ выявить ее сущностные характеристики, поскольку наиболее заметные «выдающиеся» отклонения от нормы развития социально-экономических систем наглядно демонстрируют то, какой именно должна быть эта норма. С другой стороны, рождение новой хозяйственной парадигмы дает возможность на более глубоком фундаментальном уровне познать старую парадигму, уже ставшую историей и стационарным фундаментом новоявленной национальной модели экономики, посредством анализа имеющейся в наличии статистического и фактологического материала. При этом всякая новая хозяйственная парадигма есть либо органическое, либо искусственное продолжение старой [2, с. 29].

В реальности на функционирование национальной экономической модели оказывают значительное влияние социальные, нормативные (юридические), философские, духовно-нравственные и культурные факторы, которые сами в свою очередь попадают под влияние парадигмы хозяйственной деятельности [3, с. 6]. Последние два из перечисленных факторов отличаются наибольшей способностью к самосохранению в течение длительного времени. Культурный и духовно-нравственный компоненты как «самые древние персонажи человеческой истории» служат опознавательными знаками специфики экономической деятельности в конкретный период времени [4, с. 60]. Однако и они в условиях обновления «исторических декораций», т.е. при чередовании фаз больших волн Н. Д. Кондратьева (К-циклов), могут подвергнуться трансформации [2, с. 24].

В связи с этим представляется интересным провести краткий анализ модели хозяйственной деятельности малой конфессиональной группы старообрядцев – староверов, раскольников, «старолюбцев», которые фактически стали одними из прародителей российского капитализма [3]. Изучение их культурного наследия в сфере экономики и предпринимательства демонстрирует ту самую ситуацию смены режима функционирования хозяйственной практики, когда духовные факторы наиболее ярко через социальные потрясения свидетельствуют о своей значимости в жизни общества.

Теоретический анализ

Возникновение самого социума старообрядцев в результате церковного раскола – отделения значительной части русского православного общества от господствующей русской православной церкви – произошло, по мнению выдающегося отечественного историка В. О. Ключевского, вследствие усилившегося западного влияния. В западноевропейском мире в XVI и XVII вв. на развалинах феодального порядка создались большие централизованные государства; одновременно с этим и народный труд вышел из тесной сферы феодального поземельного хозяйства, в которую он был насильственно заключен прежде. Благодаря географическим открытиям и техническим изобретениям перед ним предстал широкий простор для деятельности, и он начал усиленно работать на новых поприщах и новым капиталом, городским или

торгово-промышленным, который вступил в успешное состязание с капиталом феодальным, землевладельческим. Политическая централизация и городской буржуазный индустриализм вели за собой значительные успехи, с одной стороны, в развитии техники административной, финансовой и военной, устройстве постоянных армий, новой организации налогов, развитии теорий народного и государственного хозяйства, а с другой – в развитии техники экономической и фабричной промышленности, создании торговых флотов, устройстве торгового сбыта и кредита.

Допетровская Россия не участвовала во всех этих успехах, тратя свои силы и средства на внешнюю оборону и кормление двора, правительства, привилегированных классов, ничего не делавших и неспособных что-либо сделать для экономического и духовного развития народа. Поэтому в XVII в. она отстала от Европы. Влияние Запада вышло из чувства национального бессилия, источником которого была вскрывавшаяся в войнах, дипломатических сношениях, торговом обмене скудость собственных материальных и духовных средств перед западноевропейцами, что вело к осознанию своей отсталости [5, с. 243].

С воцарением новой династии у нас были предприняты политические и экономические нововведения с целью устройства народной обороны и государственного хозяйства. Почувствовав потребность в новых, заимствованных технических средствах, государство во множестве призывало иностранцев: лютеран и кальвинистов. Правда, их призывали для обучения солдат, литья пушек, строительства заводов. Все это очень мало касалось нравственных понятий и еще менее – религиозных воззрений. Однако в Москве почувствовали потребность в европейском искусстве и комфорте, а потом и в научном образовании. «Начали иностранцем офицером и немецкой пушкой, а кончили немецким балетом и латинской грамматикой. Вызванное насущными материальными нуждами государства западное влияние вместе с необходимым приносило и то, без чего можно было пока обойтись, с чем можно было еще поременить» [5, с. 264, 279–280].

Совесть русского человека в раздумье стала между родной стариной и Немецкой слободой. В Москве вдруг пошли толки, что «скоро настанет конец древнему благочестию и будут введены новые иностранные обычаи». При таком настроении попытка исправить церковные обряды и текст богослужебных книг легко могла показаться смущенному и пугливому церковному обществу посягательством на самую веру. Случилось так, что за это исправление принялся Патриарх Никон, который по своему характеру способен был довести это настроение до крайней степени напряжения [5, с. 264, 279–280].

Раскол как религиозное настроение и протест против западного влияния произошел от встречи преобразовательного движения в государстве и церкви с народно-психологическим значением церковного обряда и национальным взглядом на положение русской церкви в христианском мире. Но протестующее противощерковное настроение раскола превратилось в цер-

ковный мятеж, когда старообрядцы отказались повиноваться своим церковным пастырям за их предполагаемую привязанность к латинству, а русские церковные иерархи с двумя восточными патриархами на московском соборе 1667 г. отлучили непокорных старообрядцев от православной церкви за их противление канонической власти церковных пастырей. С того времени раскол и получил свое бытие не только как религиозное настроение, но и как особенное церковное общество, отделившееся от господствующей церкви [5, с. 295].

Парадоксальность и противоречивость исторических событий и процессов побуждает к соответствующему диалектическому объяснению происшедшего со стороны историков-исследователей. В. О. Ключевский утверждал, что раскол содействовал западному влиянию и ускорил проведение реформ. «Раскол уронил авторитет старины, подняв во имя ее мятеж против церкви, а по связи с ней и против государства. Большая часть русского церковного общества теперь увидела, какие дурные чувства и наклонности может воспитывать эта старина и какими опасностями грозит слепая к ней привязанность. Руководители преобразовательного движения, еще колебавшиеся между родной стариной и Западом, теперь с облегченной совестью решительнее и смелее пошли своей дорогой» [5, с. 299].

Иным путем, т.е. путем сохранения древнего благочестия, последовали староверы, оказавшись в один миг в среде, состоящей из иноверцев и «отступников» и не отличавшейся к ним особой доброжелательностью. Вначале смущенные нововведениями «старолюбцы», уверовав, что близятся последние дни и наступило царствие антихриста, были дезорганизованы и не проявляли особого усердия ни в торговом деле, ни на ремесленном поприще. Спустя десятилетия после никоновской реформы, предания анафеме и репрессий раскольников, их бегства от мира и многочисленных актов «крещения огнем» часть различных раскольничьих согласий полностью переосмыслила случившееся, уже по-новому интерпретируя проблему спасения как всеобщего, так и личного.

Главный путь к спасению староверы видели в деятельной подготовке уже не к приходу «зверя», а скорее ко второму пришествию Спасителя. Это способствовало возникновению религиозного активизма, а затем активизма социального и мирской аскезы, выраженных в том, что каждый истинный православный человек должен принять участие в «поднятии благочестия», «очищения мира от скверны», т.е. то, что раньше вменялось инокам, теперь предлагалось всем верующим [6, с. 418–421].

Подобное переосмысление церковной реформы интенсифицировало идею христианского подвига, который может быть осуществлен через личный усердный и добросовестный труд и деятельность на благо всей общины. Именно труд уже не как источник средств к существованию, вынужденная повинность, которую должен нести весь род человеческий, а как основа творческой жизни стал на уровень христианского подвига. Наполнение высшим смыслом и одухотворение различных форм трудовой деятельности: натурального хозяйства, ремесленного бартерного обмена и денежной торговли,

организации артелей и промышленных предприятий, работы на заводах и фабриках – в дальнейшем привело к значительному росту уровня благосостояния этноконфессиональной группы староверов.

Незавидное социальное положение гонимой и ограниченной конфессиональной общности, чередовавшееся с некоторыми периодами послаблений, сохранялось вплоть до конца XIX в. Это социальное положение также стало одним из факторов, определенным образом направляющих развитие экономической деятельности в старообрядческой среде. Староверам требовались основательные материальные ресурсы, чтобы выдерживать тяжелый фискальный гнет. После введения подушной подати в 1724 г. со старообрядцев взималась дополнительная плата «за раскол»: с посадских по 40 алтын (1 руб. 20 коп.), а с крестьян по 70 коп. С женщин бралась половинная сумма, соответственно 60 и 35 коп., что превышало размер обычной подушной подати в 2 раза. В дальнейшем давление налогообложения усилилось. Согласно указу от 30 августа 1732 г., дополнительная подать с «записных раскольников» из купцов стала исчисляться из величины их гильдейских окладов, определяемых внутримирской раскладкой общепосадского подушного оклада с учетом хозяйственной состоятельности тяглецов», что легло еще большим бременем на податное сословие [7, с. 30].

Помимо официальных налоговых выплат среди властимущих, занимающих хоть сколь-нибудь значимый светский или духовный пост, довольно часто практиковались нелегальные поборы с «еретиков-старолюбцев», за которые служащие соглашались не замечать их подчас слишком активную хозяйственную деятельность, за счет которой полученные средства шли на поддержание «древнего благочестия»: обустройство молельных домов, возведение храмов, раздачу милостыни и т.п. Получался замкнутый круг, стимулирующий расширенный тип воспроизводства: заработанные денежные средства автоматически спускались не столько на собственные социальные нужды, сколько на хозяйственное обеспечение возможности относительно открыто и легально заниматься стяжательством.

Избежать подобных трудностей с формальными и неформальными выплатами было возможно либо сменой социального статуса, перейдя к «никонианам» или в единоверие, либо меняя местожительство. Многие раскольники предпочли второй вариант, что выразилось в переселении больших людских масс в XVII–XVIII вв. и первичном или повторном освоении малозаселенных районов России: территорий вблизи Новгорода, Перми, Саратова, Ржева, современной Польши, Украины и Белоруссии, регионов Поморья, Урала, Дона и Сибири, где можно было скрыться от различного рода агрессоров. Впрочем, некоторые особо влиятельные боярские и купеческие семьи из «записных» и тайных староверов все-таки оставались в Москве и Санкт-Петербурге, рискуя между тем впасть в немилость [8].

Интенсивная хозяйственная деятельность и массовое расселение раскольников в пределах дореволюционной России привели к созданию специфической «анклавной» (пространственно обособленной и социально замкнутой) структуры в ее экономике [9, с. 223]. Вследствие того, что «противоборству-

ющие силы не разошлись, оставаясь в одном государстве, Россия, в отличие от европейских стран, условно разделилась внутри себя на очаги компактного проживания раскольничьих согласий и регионы с преобладанием «никониан», будучи единой на географической карте» [10].

Первоначально трудовая деятельность в подобных староверческих экономических анклавах строилась в форме, схожей с общинами первых времен христианства. Часто поселения «старолюбцев» представляли собой своеобразные «общежителства» или киновии, устроенные по монастырскому типу, где «общежитники... предвосхищают блага обетованного царствия, в доброхвальном житии и общении, представляя точное подражание тамошнему жительству и состоянию» [6, с. 424–427]. Это подтверждается историческими примерами устройства одной из крупнейших общин староверов XVIII в. – Выговской. В определенной степени управление экономикой Выга, осуществляющееся по монастырскому порядку, представляло собой развитие традиции, восходящей к Иосифу Волоцкому и его последователям, которые отстаивали идеологию умеренного стяжательства Церковью для обеспечения собственных нужд и помощи нуждающимся [3, с. 9]. Специфической чертой экономики киновий Выга было глубокое горизонтальное разделение труда: специально поставленные члены общины «надзирали» «над пашнями и над прочим», другие – «у приходу и расходу денежного и над покупками всяких братских припасов». Во «внешней» торговле одни занимались закупками в Поволжье – «на Низу», другие перевозили зерно, третьи продавали хлеб в «Петебурхе», по всему региону и за его пределами. Прибыль от одних товаров, проданных выговскими купцами (рыбы, сукна и прочих), вкладывалась другими агентами общежителства в новые закупки поволжского хлеба, который затем продавался.

Следует упомянуть о сложном для того времени характере торговых операций выговцев и наличии в ней таких атрибутов современного предпринимательства, как отпуск в кредит и эквивалентный бартер [11, с. 42].

Другой не менее известной старообрядческой общиной в начале XVIII в. было поселение на острове Ветка. В скором времени эта небольшая киновия старообрядцев разрослась до 40 тыс. жителей и прославилась на всю Россию как крупный и весьма успешный ремесленный и торговый центр. «Купцы-раскольники сбывали в Польше, Белоруссии и Украине продукцию местных кустарей-ремесленников: бондарей, шапочников, портных, скорняков, шорников, красильщиков, рукавичников. На вырученные деньги купцы снабжали единоверцев сырьем и предоставляли кредиты. Ремесленное производство стремительно расширялось. Коробейники с Ветки потеснили польских, украинских, белорусских и даже российских торговцев, став монополистами на огромных территориях» [8].

Как раз такой, близкий к монастырскому стилю общежителства, уклад сформировал своеобразный психологический тип поведения русского предпринимателя-старообрядца, который стремился к индивидуализму, не отрываясь от общины. Данная модель экономического поведения может именоваться «монах в миру». Искони традиционная «внешняя» функция

монашества и монастырей – это служение миру (обществу) молитвой за него, заступничеством сирых и убогих, наставлением, при отдалении от самого мира (общества), т.е. стремление к уединению и индивидуализму. Однако данный восточнохристианский «старобрядческий» индивидуализм ничего общего не имеет с ведущим к атомизации общества индивидуализмом протестантов, с которыми часто сравнивают и отождествляют раскольников многие отечественные и зарубежные исследователи [6, с. 424–427].

По сути, в среде англосаксонских протестантов произошла подмена значения понятий «индивидуализм» и «независимость». «Эти понятия рассматриваются в протестантском сообществе не как "освобождение от неких социальных пут", но как "право собственности на самого себя". Цель данного "права", олицетворяющего "естественное" стремление любого человека владеть самим собой, – это приложить все свои усилия к достижению собственных успехов. Естественно, что наличие "права собственности на самого себя" предполагает и существование обязанности. Подобной обязанностью у протестантов является личный усердный труд как необходимое основание для любви тебя Всевышним. Достаточное же основание для того, чтобы быть возлюбленным Богом, – туго набитый кошелек. Причем у протестантов наполнение личного усердного труда одухотворенностью или иными морально-нравственными императивами вовсе не обязательно. Общество, в интересах которого трудится протестант, уже возлюблено за него Богом. Поэтому быть индивидуальным по-протестантски – это значит быть свободным от социума, вне его или даже над ним» [12, с. 110, 220, 224].

Для восточных христиан индивидуализм – средство, необходимое для совершения высшей миссии – спасения собственной души. Личное спасение требовало непосредственной сопричастности к благополучию всего своего окружения. Растворяясь в социуме, православные христиане успешно сохраняли достаточную долю индивидуальности. Поэтому сторонники древнего благочестия оказались ориентированы в своей хозяйственной деятельности совсем на иные приоритеты, которые имели не много общего с приоритетами протестантских буржуазных ценностей. «Староверы нацеливались не на получение прибыли в пользу конкретных людей или семей, а на обеспечение жизнедеятельности всех своих единоверцев. Только такие общественно-коллективистские механизмы были оптимальны в том положении, в котором жило русское старообрядчество. Их восточнохристианская религиозная идеология допускала и поддерживала экономику, предназначенную не для конкуренции хозяйств и обоснования отдельной избранности, как у протестантов, а для утверждения солидарных начал, обеспечивающих существование всей общины в анклав» [10].

Таким образом, к середине XVIII столетия завершилось формирование религиозной трудовой хозяйственной этики и первоначальной анклавной структуры экономики староверов. Данный процесс уложился в вековой цикл: начиная с 1670-х гг. вплоть до 1770-х гг.

Со второй половины XVIII в. последовал ряд реформ императрицы Екатерины II, таких как: манифест, призывающий раскольников вернуться

в Россию; отмена в 1782 г. доплаты «за раскол»; введение более льготного налогообложения для купцов-староверов, – ставших дополнительными экзогенными факторами, стимулирующими динамичное развитие экономической деятельности раскольников. К властимущим вовремя пришло осознание, что накопленные значительные капиталы и амбиции старообрядцев в мелкой, средней и крупной торговле, кустарном ремесле, учреждении мануфактур и строительстве фабрик могут принести ощутимую пользу российской экономике [13].

С этого же времени начались изменения в структуре экономических анклавов староверов, вызвавшие появление своеобразной иерархии рынков в территориальном и отраслевом общественном разделении труда между основной частью православного населения и раскольниками. Хотя статистические выкладки по объемам хозяйственной деятельности староверов могут носить только оценочный, экспертный характер, так как подсчеты в обстановке гонений на «старолюбцев» произвести было практически невозможно, в литературе встречаются данные по отдельным отраслям и регионам с XVIII в. Исторические факты свидетельствуют о наличии довольно крупных предпринимателей среди тайных старообрядцев в местах их компактного проживания: Стародубье, Ветке, Урале, Поморье, некоторых районах Поволжья и Сибири. На данных периферийных территориях России общины староверов развернули бурную торгово-промышленную деятельность, удовлетворяющую в первую очередь собственные нужды и внутренний массовый спрос «неблагородных» сословий.

В старообрядческих посадах, слободах и городах юго-западной России во второй трети XIX в. проводилось ежегодно по 3–5 ярмарок с оборотом до 40 тыс. руб. В Верхнем Поволжье самые крупные предприниматели Ярославля, Рыбинска, Ростова и других городов принадлежали к старообрядческим соглашениям и полностью контролировали инфраструктуру торговли и транспортной сети. Во второй половине XVIII – начале XIX в. старообрядцы доминировали на Сызранской хлебной пристани, в судоходстве по Волге, на Макарьевской, а затем Нижегородской ярмарках. В нижегородском крае уже со второй половины XVIII столетия в руках староверов сосредоточилась вся местная промышленность: судостроение, производство посуды, прядение льна и многое другое. В Нижнем Поволжье, особенно в Саратовской губернии, староверы были богатейшей частью населения. Они основали ряд новых городских центров, прежде всего Вольск, ставший в начале XIX в. одним из самых богатых городов Поволжья. От вольских «миллионщиков» немного отставали «заволжские тысячники» – самарские предприниматели-староверы. Есть свидетельства, что подобная бурная хозяйственная деятельность раскольников присутствовала также в регионах Урала и Сибири [11, с. 35–37].

Иную профессиональную структуру показывал рынок центрального региона Российской империи. Здесь предпринимательское сословие было связано преимущественно с государственными подрядами и откупам и поэтому не относилось в основной своей массе к сторонникам древнего благочестия. Однако уже в означенный период реформ с 1770–1780-х гг. воз-

никли «внешние» условия для роста старообрядческой экономической деятельности и обновления верхушки купечества московского региона [11, с. 33]. С перемещением анклавов старой веры в центр России резко возросла их роль в развитии региональной и всей отечественной экономики. В 1850 г. только записные купцы-староверы составляли 15 % численности гильдейского купечества Москвы, в то время как 5 % московского населения было старообрядцами. Их предприятия производили 12,7 % промышленной продукции столицы [11, с. 35].

Действуя уже в общероссийском масштабе, старообрядцы во второй трети XIX в. достигли наибольших успехов в оптовой торговле хлебом и текстильной индустрии. Последняя была на тот период времени самой передовой отраслью экономики. В текстильной индустрии раньше других начался промышленный переворот, возникла фабричная организация производства, сложился значительный рынок наемного труда, происходило становление капитализма в нашей стране. Несмотря на свои архаику и аскетизм в быту, общество староверов оказалось восприимчивым к западным технологическим и организационно-хозяйственным новшествам, профессиональному обучению, что способствовало развитию и расширению объема производства.

В 1830–1840-е гг. из 17 фабрик Лефортовской части – первой фабричной окраины Москвы – 12 предприятий принадлежало староверам. К 1870 г. доля старообрядцев составляла свыше 34 % в бумаготкацкой промышленности Московской губернии и 75 % – в Москве, а шерстоткацкой – 63 % в Москве, свыше 42 % в губернии и 40 % – в целом по всей России. В Калужской губернии старообрядческим семьям принадлежало 90 % фабричного бумаготкацкого производства, во Владимирской – 37 % прядильного. Размер контролируемого староверами сектора в суконной, ситценабивной и некоторых других текстильных отраслях, т.е. 21 % производства Московской губернии, значительно превышал их долю среди промышленников иных конфессий [11, с. 36]. В староверческом анклаве и «ткацкой столице Российской империи» – Иваново – географическая концентрация экономической активности раскольников даже по сравнению с приведенными примерами была буквально грандиозной: в 1830–1840-х гг. там насчитывалось около 180 ткацких, красильных фабрик и прочих сопряженных производств [10]. Все красильное дело и порядка 60 % клееварной промышленности Москвы было в руках староверов [11, с. 36].

Помимо передового технического оснащения и кластерного сосредоточения, отличительной чертой предприятий «старолюбцев» было то, что они преимущественно состояли из артелей. «Артель как основная производственная единица непосредственно вела дела, "рядилась с хозяином", определяла заработанное, т.е. оказывала ключевое влияние на весь ход фабричной жизни. В артели сформировался особый тип "фабричного", "мастерового" [работника], интересы которого ставились ничуть не ниже интересов хозяина. Свободолюбивый и независимый психологический тип этого трудящегося был весьма далек от работника по найму в классическом капиталистическом смысле этого слова» [10].

Конец второго векового цикла развития экономической деятельности староверов, пришедшийся на 1850–1860-е гг., был ознаменован полным органичным встраиванием старообрядческих торгово-промышленных анклавов в экономику России. Внешние факторы становления мирового хозяйства и внутренние факторы изменения экономики Российской империи закрепили в ней наметившуюся в 1780-е гг. тенденцию разделения труда и иерархии рынков. Хозяйственная деятельность «старолюбцев» осталась направленной преимущественно на удовлетворение внутреннего спроса российской экономики. При этом емкость внутрироссийского рынка была значительна: «если оценивать ее исходя из оборота внутренней торговли, то к середине XIX в. она ежегодно составляла примерно 900 млн руб. Эта сумма практически целиком приходилась на произведенные и потребленные внутри страны промышленные товары, обладающие низкой конкурентоспособностью на внешнем рынке. Удовлетворение Российской империей потребностей складывающегося мирового рынка, выраженного во внешней торговле, которая на 96 % состояла из вывоза зерна, леса и сырья, оставалась за русским дворянством и иностранными купцами. В стоимостном выражении весь объем внешней торговли не превышал 250 млн руб.» [10].

Специфика внутренней торговли заключалась в том, что она протекала преимущественно вне бирж. Так, согласно замечанию российского историка А. В. Пыжикова, «этот торговый институт [биржи] европейского типа не привлекал внимания русского купечества». Вместе с тем в раскольничьей среде возникла и успешно развивалась гуманная система беспроцентных и безвозвратных денежных ссуд, когда в стране еще не сложились ни национальная кредитная, ни вексельная системы. Данная "внутриконфессиональная" практика займов обеспечивала нужды хозяйственной деятельности раскольников в первоначальном капитале для открытия новых общинных производств и собственного дела» [13].

Специфика последнего полувекового цикла (с 1860-х гг. до начала Первой мировой войны) развития экономической деятельности раскольников состояла в размытии границ между ними и «титულным православным этносом». Частый переход в единоверие или православие, наблюдавшийся среди все меньше таившихся «старолюбцев», уже не носил такого негативного психологического оттенка. Выгодность же его была очевидна и выражалась в возможности легализовать крупные капиталы, законно вступать в брак, избегать очередной возможной волны притеснений, получать высшее образование в отечественных и иностранных университетах, активно участвовать в политической и культурной жизни российского общества.

Однако подобные новшества особо не затронули практику организации хозяйственной деятельности раскольников, «повторно обращенных в православие». Сохранялась своеобразная иерархия рынков, но выраженная не столько в регионально-отраслевой специализации, сколько в иерархии преобладающих форм организации товарно-денежного хозяйства. Пространственно единый экономический анклав старообрядцев к началу XX в. состоял из крупных хозяйствующих субъектов – заводов в окружении множества

средних и мелких фабричных и мануфактурных производств с примыкающими «очагами» кустарного ремесла. Причем создание рынка более высокого уровня не отменяло относительно успешного существования рынков более низкого порядка. Мелкие кустари и ремесленники становились естественной неотъемлемой полупериферией и периферией промышленного хозяйственного ядра [13]. Оставляя приоритет за удовлетворением внутривосточного спроса, некоторые крупные предприятия староверов осуществляли и внешне-торговые операции. Известнейшая Никольская мануфактура С. Т. Морозова занималась экспортом тканей во многие страны Европы и США, получив международное признание и множество наград за высочайшее качество продукции.

Неизменными остались и нравственные императивы экономической деятельности: стремление к сохранению морального облика истинного христианина при ведении коммерческих дел и широкое распространение в купеческой среде благотворительности. Традиционная религиозная нравственность и благочестие предполагались как неперемennые условия делового успеха в среде крупных российских предпринимателей [14, с. 23]. Хорошим тоном почиталось по собственной инициативе отсрочить платеж попавшему в сложную ситуацию заемщику или вовсе простить долг. Предприниматель-старовер М. Я. Рябушинский в завещании указал: «...должные мне деньги по счетам, записям и вексям, если не будут иметь возможность платить, то простить оные и после кончины моей не требовать». Кроме того, часть из оставленных им 2 млн руб. предназначалась на то, чтобы кормить и призывать нищих [11, с. 56].

Массовые взносы на благотворительность в среде старообрядцев первоначально представляли собой исполнение главного конфессионального долга – христианского подвига. В раскольничьих общинах, церквях и часовнях собирались обязательные, но не регламентированные сборы («в кружку»), которые современник, наблюдавший развитие старообрядчества в Поволжье, назвал явлениями «в роде естественно подоходного налога». Причем считалось, что «богатые всегда воздадут за скудность бедных», но милостыню подавали все [11, с. 55]. Со второй половины XIX в. в связи с наметившейся тенденцией распада старообрядческих общин и переходом их активов (земель, фабрик, заводов и финансового капитала) из коллективного в единоличное владение и управление, осуществляемых представителями немногочисленных известнейших купеческих семей, добровольная благотворительность стала еще и инструментом установления социальной компенсации и справедливости. Жертвование значительных денежных сумм в пользу единоверцев заменяло действовавшие ранее механизмы распределения торгово-промышленных доходов среди работников артелей [10]. Стирание границ между сторонниками древнего благочестия и православными не привело первых к отказу от укоренившейся традиции благотворительности. Поскольку подчас мнимое деление на «своих и чужих» не предполагало строгой адресной помощи, благотворительность раскольников охватывала все российское общество. Это явственно следует из биографий известных купеческих дина-

стей, таких как Морозовы, Щукины, Третьяковы, Мамонтовы, Кузнецовы, Рябушинские, Прохоровы или отдельных представителей крупных предпринимателей-староверов – Кокорева и Солдатенкова. Все они в свое время были признанными филантропами и меценатами, возводившими на собственные деньги сиротские дома, богадельни, приюты, театры и галереи, куда затем безвозмездно передавали лично приобретенные ими шедевры мировой и отечественной культуры.

Конец двух с половиной вековых циклов развития хозяйственной парадигмы раскольников был ознаменован резкой трансформацией всей российской экономики, непререкаемой частью которой являлись и старообрядческие торгово-производственные анклавы. Стойкое культурное и историческое наследие экономической модели староверов сохранилось в их трудовой хозяйственной этике. Вначале она, продемонстрировав свою социально-экономическую эффективность, была органично перенята всем православным сообществом Российской империи. Впоследствии в годы Советского Союза и Российской Федерации она была переработана в трудовую «этику обязанностей», сохранив свои основные этнокультурные народнохозяйственные элементы: сплоченный коллективный труд с элементами творчества на благо общего дела, альтруизм, «идеал служения» и высокую степень самоотдачи и амбиций тружеников, которые готовы даже на самопожертвование ради великой цели [15, с. 192–193, 197; 16, с. 35; 17, с. 606].

Заключение

В заключение стоит отметить, что сам феномен возникновения трудовой хозяйственной этики раскольников и их деятельного отношения к миру – следствие стечения или констелляции целого ряда исторических факторов. Значительные культурные религиозные и социальные потрясения XVII в., затронувшие нематериальные ценности русского мира, позволили потенции восточно-христианской трудовой этики, заложенной в ней догматической теорией синергизма (соработничества, соучастия в спасении души), перейти в состояние акта. Тяжелые социально-политические условия, в которых оказалась часть русского православного общества, не отказавшаяся от старого обряда, потребовали от нее решительных действий для достижения экономической независимости с целью самосохранения как этноконфессиональной группы. Совокупность данных условий обеспечила возможность староверам продемонстрировать свою пассионарность, которая ярко видна у представителей славянского суперэтнуса в периоды великих потрясений и имеет склонность к затуханию в периоды относительного спокойствия.

Библиографический список

1. Фенин, К. В. Генезис отечественной парадигмы предпринимательства / К. В. Фенин // Предпринимательство и реформы в России : материалы XX Междунар. конф. молодых ученых-экономистов, 21–22 ноября 2014 г., Санкт-Петербург, СПбГУ. – СПб. : Изд. центр эконом. факультета СПбГУ, 2014. – С. 35–36.

2. Черемисинов, Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. Ч. 1. / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун.-та, 2012. – 348 с.
3. Фенин, К. В. Старообрядческая хозяйственная этика: зарождение русского капитализма / К. В. Фенин // Проблемы современной экономики : материалы II Междунар. заоч. науч. конф. (октябрь 2012 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2012. – С. 6–13.
4. Бродель, Ф. Время мира: материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля : под ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1992. – Т. 3. – 680 с.
5. Ключевский, В. О. Сочинения. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – 414 с.
6. Керов, В. В. Эсхатология старообрядчества конца XVII – первой половины XVIII в. и новая хозяйственная этика старой веры / В. В. Керов // Старообрядчество в России (XVII – XX) : сб. науч. тр. – Вып. 3. Старообрядческое предпринимательство / отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 405–433.
7. Мирошниченко, Е. А. Купцы-старообрядцы в городах европейской России в середине XVIII века (из истории российского предпринимательства) / Е. А. Мирошниченко // Отечественная история. – 2006. – № 5. – С. 28–39.
8. Норкин, А. Могла ли выжить в России экономика на честном слове? Старообрядцы. И все-таки они выжили / А. Норкин. – URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-48516/> (дата обращения: 17.08.2012).
9. Фенин, К. В. История анклавов в экономике России: предпринимательство староверов / К. В. Фенин // Студенческая наука: перекрестки теории и практики : материалы I Внутривуз. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов, 20 ноября 2012 г., Саратов, СГУ им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов : Наука, 2013. – С. 223–229.
10. Пыжиков, А. Неизвестное лицо дореволюционного капитализма: какова роль старообрядцев в развитии российской буржуазии / А. Пыжиков. – URL: <http://www.forbes.ru/mneniya/istoriya/324075-neizvestnoe-litso-dorevolutsionnogo-kapitalizma-kakova-rol-starobryadtsev?page=0,1> (дата обращения: 20.09.2016).
11. Керов, В. В. Предпринимательство старообрядцев в России / В. В. Керов // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX в. / отв. ред. Б. В. Ананьич, Д. Дальманн, Ю. А. Петров. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 31–142.
12. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2016. – 320 с.
13. Шахназаров, О. Л. Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 года) / О. Л. Шахназаров // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 53–70.
14. Керов, В. В. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках / В. В. Керов // Отечественная история. – 2001. – № 4. – С. 18–40.
15. Коптелова, Т. И. Экономика и православие – евразийский вариант «капиталистического духа» / Т. И. Коптелова // Философия хозяйства. – 2014. – № 5 (95). – С. 191–198.
16. Пшеницын, И. В. Будущее Запада и России / И. В. Пшеницын // Философия хозяйства. – 2014. – № 5 (95). – С. 34–41.
17. Фенин, К. В. Институциональный и этнокультурный компоненты формирования стратегии инновационного развития экономики Российской Федерации / К. В. Фенин // Экономическая система современной России: пути и цели развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19 ноября 2014 г., Москва, МГУ. – М. : Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. – С. 604–607.

Фенин Кирилл Вячеславович
аспирант,
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
E-mail: fenin.kir@yandex.ru

Fenin Kirill Vyacheslavovich
postgraduate student,
Saratov National Research State University
named after N. G. Chernyshevsky

УДК 338.2

Фенин, К. В.

Ретроспективный историко-экономический анализ национальной модели хозяйствования староверов и ее культурного наследия / К. В. Фенин // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2017. – № 2 (22). – С. 114–128.